

Александр Бергельсон

18+

ЧЕРЕП ЧЁРНОГО КОЛДУНА

Истории о юных годах Ильи Муромца

Александр Бергельсон
Череп Чёрного Колдуна

«Издательские решения»

Бергельсон А.

Череп Чёрного Колдуна / А. Бергельсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531921-0

Приключения Ильи Муромца продолжаются. Колдуну Навиславу надоело, что ему постоянно отрубают голову те, кто думает таким образом одолеть Вселенское Зло. Он сотворил себе Запасной Череп, в котором сосредоточена Власть Над Миром. Добыть Череп может только специально собранная команда: Организатор, Вор, Солдат, Книгочей и человек, избранный Главным Богом для Подвига. Хотя, вполне может быть, предлагаемая книга вовсе не об этом. Ведь каждый всё всегда выбирает для себя сам... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-531921-0

© Бергельсон А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Череп Чёрного Колдуна

Александр Бергельсон

© Александр Бергельсон, 2021

ISBN 978-5-0053-1921-0

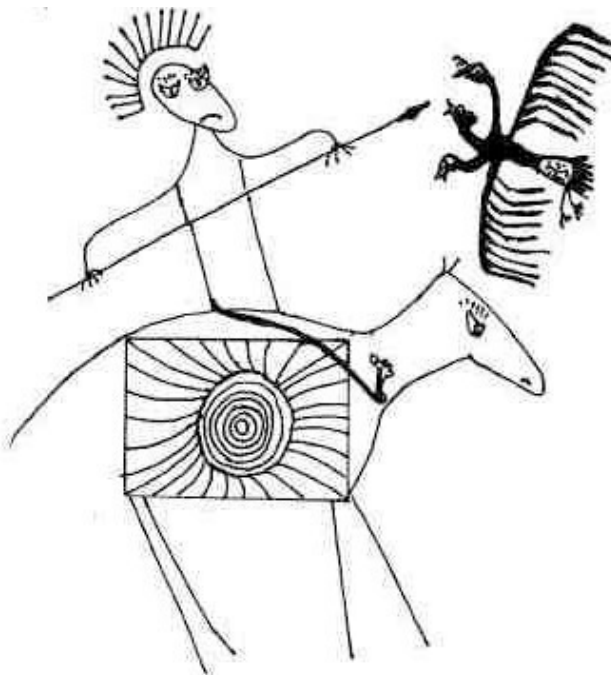
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вор не тот, кто взял необходимое себе, а тот, кто держит, не отдавая другим, не нужное себе, но необходимое другим.

Лев Николаевич Толстой

Единственный наш долг перед историей – это постоянно ее переписывать.
Оскар Уайльд

Глава 1

Запасной Череп Чёрного Колдуна Навислава

Есть у славян удивительное заблуждение: во время пиров и возлияний они всегда пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, но скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть, черным богом.

Гельмольд из Босау. «Славянские хроники» I—52

Говорят, Чёрный Колдун забрёл в наши края, спасаясь от остальных таких же Колдунов Чёрных.

У них там меж собой постоянно разборки идут: кто главнее, кто сильнее, кто чернее, а, главное, кто злобнее всех по образу мыслей и вредоноснее к Миру на практике.

Звали Чёрного Колдуна Навислав.

Если по имени судить, то имя самое что ни на есть соответственное занятию.

Навь Страна Мёртвых, она враждебна стране живых – Яви.

Считается, что Навь – Мир Потусторонний, нематериальный, Мир мертвецов, но иногда Навью называют не только Загробный Мир, но и *Темную Силу вообще*, сиречь, – всё то, что служит Чернобогу.

Обладатель имени «Навислав» через него автоматически получает Власть над этим самым Миром Нави.

Сильное имя.

Да и сам Колдун, доложу я вам, опять же, по слухам, был весь имени своему под стать: сильный да злобный, среди соратников Преподобный.

Тут надобно кое-что прояснить.

Многие, конечно, считают, что Преподобными называть следует лишь особых святых Веры Христианской, угодивших Богу монашеским подвигом.

Тех, кто молитвой, постом да трудами на ниве Служения Божьего стремился быть подобным Господу Иисусу Христу, преуспев зело в уподоблении этом.

Так-то оно так, да вот с одной оговоркой: у Чёрного Служения свои усердные в избытке, и в уподоблении Владыке Чёрному многие из них достигают высших степеней не реже, чем Светлым Богам службу несущие денно и ночью.

Рассказывают также, что Навислав поднялся в Подобии Чернобогу всех выше ещё в века, предшествовавшие тем, которые нынче называют «давным-давно прошлые», и был среди прочих Чёрных Колдунов в большом авторитете, пока не появился, как оно всегда и бывает, соперник: младой Чёрный Колдун Вредий Темник.

Поговаривали, что Вредий этот вроде как самому Чернобогу сын, поскоку мамаша Вредиева, Ведьма Блудослава, сумев Чернобога на ложе заманить, принесла от него в положен-

ный срок сына, коему (по слухам, опять же) предстояло занять место Царя Колдунов Чёрных на всей Земле через трижды тридцать три года от рождения.

Навислав все эти подробности Вредиева появления, плюс расклады развития времён грядущих вычислил заранее, после чего, не мудрствуя лукаво, решил выбрать к дальнейшему проживанию такое место, где конкурентов—супротивников ему нет, и не предвидится в пару тысяч ближайших лет.

Правильно, кстати говоря, решил: зачем против Чернобога вставать?

Простору для Дел Колдовских и в других землях полным-полно, а своя шкура дороже любой на свете власти, какой бы великой именно тут и именно сейчас власть эта ни была.

Поселился Навислав в лесу тёмном, среди самой чащобы, куда ни одной тропы нет; а те, которые были, Навислав заговорил намертво, сотворив заклинание «Путаного Узла».

Для сотворения заклинания этого необходимо две иглы: большая и маленькая.

В маленькую иглу вдевается нитка, сплетённая из савана покойника.

Причём, покойник должен быть непременно – загубленный стервой-женой не старый ещё мужик, который от невозможности со стервой этой далее сосуществовать в земной юдоли, наложил бы на себя руки через пьянку лютую, непробудную, запойную, длиною семьдесят семь дней и семьдесят семь ночей, вплоть до полного кирдыка.

Продетая в большую иглу маленькая, ниткой заплетается на шестьсот шестьдесят шесть узлов справа налево.

Да так, чтобы в результате все узлы вместе сплели вокруг большой иглы узор, по виду – копия сердца.

Слова при этом Навислав говорил такие:

– Плетись, плетись, извивайся, крутись, крива тропа, без оглядки, сама вокруг себя в непонятки! Не будет отныне никакого Пути куда-либо дойти! А кто пойдёт, тот пропадёт, никуда ему не деться: схватит Смерть за сердце, и с муками долгими убьёт иглками!..

Ну, и не стало Пути, одни чащи непроходящи да непролазны низины, сплошь болота-трясины.

Зато Избу поставил – ох, непростую!

Такую Избу, что и описать невозможно.

Например, заставив деревья самих себя из земли выкорчевать, кору, ветви, сучья скинуть, обтесаться, обстругаться, брёвнами в стены сложась, полы досками выстлав, из самих себя рамы-потолки сварганить, и крышей всё это завершить.

Или, вот ещё: призвал, понимаете, песок речной самостоятельно по личному его, песка, решению, в костре на огне обжечься, да не просто так, а с последующим доведением себя до тончайшей прозрачности стекла оконного.

Хорошо вышло.

Красиво, добротню и основательно.

С питанием тоже решил соразмерным образом.

Звери шли по заклинанию к Избе Навиславовой, шкуры на ходу с себя снимая, а уж к крыльцу подойдя, потрошились, на части тушки своей резались, в погреб на холодок ложились, и ждали с нетерпением мгновения, когда из них яства для Навислава изготовятся самым волшебным образом.

Грибы шли строем в колонну по три, с песней лихой:

– Эх, туды-растуды,
Наши ратные труды!
С песней громкою грибы
Маршируем до Избы!

Эх, кубыть-раскубыть,
Маринованными быть,
Мы, судьбой довольные,
Станем малосольные!

Лучше нету нам подарка,
Чем на сковородке жарка,
Или, на худой конец,
В котелке грибной супец!..

Огорода, правда, не разбивал.
Зачем?

Огурцы-помидоры, морква с редискою и лучок-чесночок с прочей укропно-петрушечной братией лез по приказу Навислава из специально отведённого в погребушке земельного участка зимой и летом, сей момент, едва Навислав пальцами щёлкнуть успевал.

С одной только картошкой бывали трудности: своенравная больно!

Однако Навислав ей пару раз колорадского жука в наказание подпустил в свежую ботву, так что, смирилась, и стала послушнее монашки в строгом монастыре.

Словом, обжился, как хорошо бы каждому, но *каждых* – оно до фига, а *настоящих*, кому *положено*, чётко считанные единицы.

Честно сказать, жил-поживал Колдун Чёрный тихо, скромно, а, самое главное, никому особо и не вредил.

Книжки свои тёмные читал, знания тайные укреплял, повышал, как оно и положено Колдуну Чёрному, квалификацию и уровень личного Злобного потенциала.

Вот тут-то мы к главному как раз и подходим.

Была у Навислава-Колдуна, одна исключительно хитрая штука, какой больше никто никогда не имел.

Запасной Череп.

В самом прямом смысле, Запасной.

И не какая-нибудь там подделка, в виде копии *Основного Череп*.

Нет.

Во всех смыслах равный первому, дабы удвоить возможности ума, памяти и всех прочих, голове соответственных, задач и возможностей.

Причины, уверяю вас, были.

Веские причины.

Серьёзные и требующие обязательного решения назревших в связи с ними проблем.

Пятьсот лет назад Навислав однажды нарвался на очень неприятного рыцаря Гуго фон Юндер-Дюндер-Хрюндера дер Цугер-Бродер-Хагенского.

Ростом Гуго этот был с башню, силу имел немерену, ну и отсёк Навиславу голову, просто так, исключительно каким-то своим идиотским рыцарским обетам следуя.

Причём, змий такой, отсёк, дал откатиться от тела обезглавленного, и прочь помчался, даже не плюнув на макушку Черепушкину, как это все остальные рыцари до него, согласно давно узаконенным Правилам Отсекания Головы у Колдуна, делали.

Одно слово: больной человек.

Новую голову нормальному Чёрному Колдуну отрастить – пара пустяков. Но, с другой стороны, посудите сами: это ж был на тот момент уже седьмой случай за тридцать семь лет!

Сколько, извините, можно?

Короче, надоели Навиславу эти головоотсекания хуже горькой редьки.

– Хватит. – Решил Навислав, и сотворил Запасной Череп.

Теперь, если что, отсекался не Основной, а этот, и ничего отращивать заново больше не приходилось.

Даже наоборот: первый же головоотрубатель, очередной дурак в железе, поплатился за отрубания свои самым жестоким образом.

По заклинанию сотворения, Запасной Череп, будучи отрубленным, из отрубателя всю силу в себя всасывал, а самого отрубателя делал вечным рабом без права амнистии и использовал исключительно в самых гнусных и грязных целях.

По-моему, очень даже справедливая участь для тех, кто совершенно не ценит чужих голов, будь это даже головы неправильно живущих (с их, отрубателей, точки зрения) на земле существ.

И вообще, как сказал об этом лет через триста ярый приверженец одной из самых популярных религий, человек по имени Матфей, приписав, правда, слова эти, им сказанные, Своему Богу:

– Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую будут мерить и вам.

Но вернёмся к Навиславу.

Запасной Череп Навислав изготовил в безлунную ночь осеннюю, перед самым переходом в зиму.

С точки зрения Чёрных Сил, времени для подобных дел нету.

Умирает всё то, что связано с теплом, уступая место холодам долгим, и, наконец-то, вступает в свои законные права Чернобог – Повелитель Смерти.

В полночь Навислав возжёт свечу коричневую, из кашеи лютеранского, от церкви ихней отлучённого, грешника, слепленную наполовину с воском пчёл-убийц, которые ещё по лету насмерть закусали десяток охочих до халявного лесного мёда жителей ближайшей деревни.

Свеча, толщиной в два пальца, была испещрена именами демонов ста разных преисподен всех известных на тот момент религий Мира.

Имена Навислав наносил специальной чёрной иглой, купленной у Чёрной Прядильщицы Неприятностей за два ведра менструальной крови девственниц.

Это было самое трудное: поди, собери её!

Но – для поставившего цель препятствия лишь укрепляют силу желания победить.

Кровь девственниц добывали Навиславу Домовые, которым Навислав за это отвалил грудь амулетов для охраны вверенных им, Домовым, жилищ от хворей, напастей и лютых проклятий со стороны завистливых соседей.

Затем чёрным ритуальным ножом сделал Навислав на свече глубокий разрез в виде рта, а чуть выше проковырял два кругляша, глазам подобные, и возжёг свечу огнём, высеченным из указательного пальца правой руки.

После чего Колдун вложил в прорезь бумажку, с начертанными на ней запретными словами «Zamu-Wegor!».

Что сии слова значат, знать никому не надо, но в магии чёрной они – сильнейшее средство для претворения в жизнь и замыслов, и начинаний.

Вот и сейчас: едва бумажка оказалась внутри, свеча коричневая начала менять форму, и едва лишь успел Навислав трижды повторить заклинание: «*Череп мой! Будь отныне со мной! Будь, как мой, который при мне, да служи не хуже Всесильному, мне!*», – свечой быть перестала вовсе, ибо приняла вид и суть Запасного Черепа Навислава.

Череп радостно скалился.

Теперь оставалось только поставить полученный Запасной Череп рядом с Основным, и ходить так, живя двумя головами, три дня и три ночи.

Что, собственно, Навислав, Колдун Чёрный, и проделал с большим удовольствием.

А вот *потом* – потом хранить Запасной Череп следовало от Основного в максимальном отдалении.

Желательно, вообще за тридевять земель, или не в нашей Галактике.

Потому что Запасной Череп, как правило, обычно и повседневно, очень Основного недолюбливает, и в случае близкого от него нахождения норовит всенепременнейше занять его, Основного Черепа, место.

Навислав выбрал для Запасного хранилище в практически недоступном пещерном лабиринте на необитаемом острове под названием Дурнославный Утёс.

Легенды утверждали: всяк, кто к Утёсу этому более чем на десять саженей приблизится, непременно об Утёс этот долбанут будет волной набегающей, и смерть примет лютую, потому как его, кровью из разбитой головы истекающего, медленно станут пожирать обитающие у подножия Дурнославного Утёса гигантские крабы Клешня Откусыватель и Хватан Обгладыватель.

По сведениям, которые Навислав собрал в Книгах Судеб, никто к Дурнославному Утёсу ни совался последние сто двадцать два поколения людского обитания земель окрестных ни разу.

Выходило, надёжнее места не сыщешь...

– Вот и славно. – Вынес приговорчик Навислав, и Черепу его Запасному определилось самое надёжное хранение.

Впрочем, мало ли, что о ком рассказывают.

Здесь каждый сам для себя выбирает: чему верить, а чему нет.

Только сам.

Глава 2

С миру по человечку, атаману ватага

В мире нет, наверное, другой такой страны, на огромном пространстве которой происходило бы столько войн, вражеских нашествий, смут, бунтов, внутренних неурядиц. И каждая возникавшая в России «нестабильность», опасная ситуация немедленно вызывали в людях желание как-нибудь подалее и понадежнее спрятать то, что могло быть отнято, сожжено или пропасть любым другим способом.

Владимир Викторович Бацалев. «Загадки древних времён»

Чурляй оглядел собравшихся взглядом мрачным.
Мрачно было на душе атамана, оттого и взгляд был под стать душе.
Одно успокаивало: артель подобралась хороша.

Правильно выбрал Чурляй соратничков, план составляючи.
Хотя, без огрехов не обошлось и тут.
– А как мы... это... в смысле, попадём на Утёс-то? Ведь там злыдни огромные с клешнями в водах обретаются? – Ёжась, спросил Елька Конь.

Чурляй Ельку позвал, потому как была у Ельки профессия подходящая: вор, а к ней – дар особый: видел он в темноте, как днём светлым.
Но – трусоват был парнишка.
Трусоват.

С другой же стороны, трусовостью управлять проще, нежели, скажем, удалью бесшабашной, от безголовости проистекающей.
Чурляю, как атаману ватаги собираемой, трусоватый Елька был куда сподручнее иного удалыца-стервеца, на которого хрен отыщешь управу.
– А ты не дрейфь. – Хлопнул по плечу Ельку Чурляй. – На то я и главный, чтобы за всё в ответе быть. Мы водой не пойдём. Наша дорога будет совсем иная.

– Нет иной дороги. – Подал голос Нечай по прозвищу Голован.
Прозвище сие пристало к нему по причине большого ума и редкой сообразительности.
– Кабы она была, дорога другая, так, поди, до нас бы всё сработали. Нема дураков, бесценную драгоценность оставлять нетронутой, ежели известно, где она, драгоценность, схоронена, при, хоть бы малой, но возможности скрасть.

– Верно говоришь. – Чурляй одобрительно кивнул Головану. – Но только в отличие от всех прочих, до нас виды на Череп Колдуна имевших, у нас главное есть, чего ни у кого, отродясь, не бывало.

И добавил, сделав значительную и важную в данном месте разговора паузу.
– Карта, ребята! Подробная и по всем статьям точная.

– Откуда? – Голован вскинул брови. – Нет, слышал я, конечно, что карта была. Но никто карты той не видел, и в летописях про ту карту ни словца, и ни в Новгороде, ни в Киеве, в главных хранилищах книжных, где собраны карты всех земель и всех краёв, я об ней упоминаний сыскать не смог. Ты, Чурляй, знаешь, сколько лет провёл я там во трудах особых, всё обсмотрел-излазил, и каждую подорожную грамотку, о ту пору, как князья в походы ратные собирались, на предмет точности пути проверял лично.

– Карта истинная.– Терпеливо объяснил Чурляй. – Мне её добыть удалось у Сыромяги.

– Это который у Волхва Сивиряти в услужении стоял? – Елька явно обрадовался. – Тогда, оно, конечно. Тогда – верить можно!

– Да-а-а. – Протянул задумчиво Голован. – Если от Сивиряти Волхва, дело другое. Сивиряты Волхв много чего хитрого знал.

Чурляй скосил глаза на сидящего молчком Лютобора.

Лютобор меланхолично водил оселком по и без того обоюдоострому клинку меча своего. Казалось, ему и дела нет до разговора сотоварищей.

В делах ватаги Лютобору отведена была роль главного воителя, ибо в бою Лютобор стоил десятерых.

Таких, как он, мечников, на вес золота ценили в любом войске, и при найме платили в пять разов более, чем любому другому наёмнику.

– А ты что скажешь, Лютоборушка? – Чурляй знал: молчун-воитель просто так, без вопроса, слова не скажет. – Ты ж по молодости лет у Сивиряти Волхва воинскому делу учился...

– Было. – Лютобор отложил оселок. – Сивиряты из многих, младых да ранних любителей мечом помахать, настоящих бойцов соделал. Да и карту эту проклятушую составлять я тоже ходил.

Чурляй подал знак остальным.

– Сюда слушай, братва. Лютобор говорить станет.

– А чего говорить? – Лютобор вздохнул. – Один я, ежели Сивиряти самого не считать, назад возвратился. Остальные в тех подземных ходах сгинули. Вон, на карте метки красны: каждая метка – один из походников. Мёртвый.

– Зато карта осталась. – Чурляй многозначительно поднял палец. – А, мы, значит, все опасные места знать будем. Так, Лютобор?

– Так, да не так. – Лютобор опять взялся за оселок. – Когда Волхв Сивиряты туда во второй раз походничал, там уже всё иначе было: и дорога *совсем другая*, и вокруг полно *других врагов*. – Он замолк, полностью предавшись точению клинка.

– Учтём и это. – Чурляй развернул карту.

Карта, и впрямь, вся пестрела от красных крестов.

– Значится, господа артель, смотри сюда. Хотя по воде-реке, как и по суше, к Дурнославному Утёсу не подобраться, – Чурляй погладил рисунок ладонью, – карта говорит: есть путь по Мирам Иным подземными путями. Значит, так и пойдём. Только заранее предупредить должен: страшно будет о-го-го. До нас задолго здесь народ жил, Миролюбы их звали, или же, второе имя было им – Велесы. Мертвецов своих они не в землю закапывали, как мы, а складывали в пещерах особых. Вдоль стен каменных, в ходах потайных, полати стлали, и на полатях этих усопших сажали: воскрешения ждать.

– Оживут они, что ли? – С ужасом прошептал Елька.

– Оживут. – Кивнул Чурляй. – Каждый, кто умер, вернуться в свой срок обязан, и будет ему нова жизнь, лучше прежней.

Атаман показал на карте длинные ряды полос, на которых рисованные скелетики сидели, повернув черепа в сторону выхода их подземелий; причём, выход этот, судя по направлению жаждущих и тревожно ждущих пустых глазниц черепа каждого, был как раз там, где торчал из воды скалой острозубой Дурнославный Утёс.

– Важно только, чтобы потомки твои Воскрешения твоего заслужили, о тебе памятуя, и дела твоя богоугодные. Вот по тем ходам—тоннелям мы и пойдём.

– Страсть какая. Это ж представить даже боязно... – Елька весь дрожал мелко, особенно руки.

– А ты не представляй. Ты о деле думай. – Наставительно отвечал Чурляй. – Велесовы покойники так просто никого не тронут. Вот если Веры в то, зачем идёшь, в тебе нету, тогда, точно, счавают. Верой Воскрешения живы они в смерти своей, и без Веры идущих ни за что не пропустят. Так что, решайте: кто со мною, айда. Кто нет – того я тут прямо на нож поставлю. У меня выбора нет, я для себя всё решил, и никаких случайностей али там разглашения тайны похода допустить не могу.

Первым отозвался Нечай Голован.

– Я пойду. – И, помолчав, добавил. – Череп Колдуна Чёрного желания исполняет, самые сокровенные. Для меня это – единственный способ получить в жизни этой, чего хочу я, и без чего мне жить далее бессмысленно.

– И что ж ты у него попросишь? – Встрял Елька. – Мозгов, что ли, ещё да второу голову для них, потому как в одной-то и твои уже с трудом вмещаются?

– Замолкни. – Оборвал Ельку Чурляй. – О чём просить, дело личное, и других не касаемо. А вот ты...

Чурляй смотрел теперь на Ельку так, что Елька весь в комочек сжался.

– Ты здесь пока ничего, кроме душонки трусливой да языка брехливого товариществу нашему не показал ни разу. Вот оттого и спрашиваю я тебя, Елька Конь: а надобен ли ты нам в походе суровом? Чем докажешь ты своё право идти с нами на дело лютое, в подземелье страшное с целью наиважнейшей? Говори.

Елька в ответ затараторил, сбиваясь, словно его вдруг прорвало после долгого тягостного молчания.

– Так я, это... у меня к Черепу Чёрному тоже просьба есть. А пока идём, я проводник вам буду в темноте той, подземной! Кроме ж меня никто тьму не видит на сто шагов вперёд, аки свет белый. А потом, я ведь по части замков мастер: любой открыть – плёвое дело! Ты сам знаешь, Чурляй: родитель мой, вечная ему память, вор был первостатейный, а когда его купцы споймали да и забили, тому уж десятый годочек, я среди всех-прочих выбран был братвой лихой заместо его сундуки-лабазы хитрой фомкой да отмычкой открывати. Возьмите меня! А я за дело наше души не пожалею, вот!

– Не убедил. – Чурляй вынул из голенища нож и потрогал большим пальцем остриё. – Замки я и сам вскрывать горазд. А тьма – что нам тьма? Факелы зажжём. Нет, Елька. Видно, без тебя обойдёмся.

– Слово заповедное! – Закричал Елька, пятась. – От папашки! Он его мне передал! Оно, слово-то, заговор, каковой на клады наложен, снимает! Не убивай меня, Чурляй! Я вам пригожусь!

– Про слово Сивирятя упоминал. – Лютобор даже головы не поднял, клинок полируючи. – И про то ещё баял, что слово сокровенное одни только *настоящие воры* знают. Не врёт он, Чурляй. Надо его с собой брать.

– Ну, надо, так надо. – Чурляй спрятал нож. – Теперича дело за малым. Умник, что карты читать умеет, у нас имеется: Нечай Голован. По воинскому делу спец – Лютобор. Вор, чтоб замки вскрыть, да заговор снять – Елька. Про себя тоже скажу: я карту *добыл* и вас собрал, тоже не просто так. У меня к Чёрному Колдуну Навиславу свой счётёц имеется. Про брата моего, Бурляя, слышали?

– А то. – Лютобор голову от клинка поднял, и уважительно произнёс. – Знатный был богатырь. Самого Талыбугу-хана в честном бою порубал.

– Знаем брата твоего. – Подтвердил Голован. – И про беду с ним слышали.

– Его Колдун Чёрный, Навислав проклятый, в камень обратил! – Ляпнул, и, как всегда, невпопад, Елька. – Мстить будешь, да?

Лютобор отложил оселок и отвесил Ельке увесистый подзатыльник.

Елька с подзатыльника того полетел вверх тормашками, и лишь кряхтел теперь от боли, под куст закатаясь.

– Отныне за *каждо* лишне говорение получать будешь от меня лично. – Пообещал Лютобор. – На первый раз при малейшей болтовне выбью передни два верхних зуба. Не поймёшь урока – остальные. А ежели и это не вразумит, уши отрежу. Уяснил? Если да, то кивни молча, и рот отныне открывать будешь, когда я разрешу.

Елька поспешно закивал, стенания свои разом прекратив.

Нечай Голован тем временем карту изучил со всей тщательностью.

– Ну? – Тихо спросил Чурляй Голована. – Что скажешь?

– А скажу я, Чурляй, – не соврал тебе Сыромяга. Семь ключей шифрованных Волхва Сивиряти, которыми он тайну карты замкнул, я разгадал. Карта настоящая, и всё в ней прописано верно. Вот только идти нам пока рановато, ибо не готовы мы покамест к походу нашему.

– Что значит – не готовы? – Вскинулся Чурляй.

– А то значит, что ещё один участник-соратничек нужен для полной удачи и верного результату. – Отвечал атаману Нечай Голован. – Волхв бает: камень придверный, которым ход в подземны пути закрыт, только тот сдвинуть может, на ком знак особый.

– Всё псу под хвост! – Взъярился Чурляй. – Опять загадки!

– Не торопись. – Пресёк ярость Чурляеву Голован. – Тут и отгадка есть.

И показал на карте малёхонькую, почти незаметную, метку: квадрат чёрный с двумя переплетающимися вытянутыми вдоль окружностями.

Под пальцами Нечая метка стала расти, и вдруг, сама собою, вспыхнула и замерцала под квадратом сим старинными буквицами красным огнём надпись:

«Входъ отрокъ откроетъ, на чьей груди знакъ Бъга».

– Не было здесь слов сих ранее. – Тихо сказал Чурляй. – Я ж всю карту эту до мельчайших деталек выучил! Не было!

– А теперь есть. – Голован что—то ещё пошептал над картою, и рядом с первой надписью, прямо на глазах изумлённой ватаги сами собою появлялись уже буквы другие:

«Камень вратъ, что въ пещеру ходъ закрылъ, стый отрокъ отвалитъ, ибо Сварогъ роду его тако право далъ».

Елька забормотал молитву какому-то своему, воровскому, видимо, Богу.

Лютобор тщательно осматривал результат наточки клинковой.

– Где искать будем? – Спросил он у Чурляя. – Время дорого. Нам не позже второй седмицы травеня уже у камня быть надо. Иначе – не успеем до того дня, когда Колдун Чёрный опять прилетит на Дурнославный Утёс заклинание ново ставить на Череп.

– Не знаю я, где искать. – Честно ответил Чурляй. – Полагаю, однако, что за ответом надось к Волхвам на поклон. Хотя, Волхвы и сами не прочь до Черепа Чёрного добраться.

Вот тут-то опять вмешался Голован.

– Ни к чему нам Волхвы, атаман. Обойдёмся! Тут, пока вы речи вели, ещё буквицы высветились. Как раз про то, где наш последний подельщик ждёт заманчива приглашения на тайное дело идти.

И вправду: поверх обозначенных на карте рек, сёл, городишек, дорог и лесов с полями, проступили, до того не видимые, слова.

Все склонились нал картой, читая:

«Отрокъ съ печатью Свароговой именемъ Иля, во селъ Карачарове кузнеца Ивана сынъ».

Лютобор засмеялся.

– Видно, и вправду Боги-то Светлые большинством за нас нынче: вон, как всё легко складывается.

– Или сильно достал Богов Светлых Колдун Чёрный. – Заметил Голован. – И они, Боги, таким манером через дело наше хотят Колдуну окорот устроить.

Елька, косясь на Лютобора, решил смолчать.

Лишних зубов для оплаты говорения пустого у Ельки не завалялось.

– Значит, нужен нам Илья, сын кузнецов из Карачарова. – Подвёл итог Чурляй. – Решим так: всем во село соваться резону нету. Ты, Нечай Голован, мальчика отыщи и ко мне доставь. А я – я уж с ним разговор проведу, как надо...

Глава 3

Ох, девки голы, ох, груди белы, а сами – во злобе, на охоте обе

-----
*В заповедных и дремучих,
Страшных Миромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
И в проезжих сеет страх:
Воем воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.
Страшно, аж жуть!*

Владимир Высоцкий. «Песня-сказка о нечисти»

Едва Чурляй сказал своё слово веское, небеса над поляной, где бивак ватага разбила, резко потемнели.

Деревья вокруг, до минуты сей мерно качавшиеся на ветру, замерли.
Даже птицы, без числа певшие на ветвях, испуганно смолкли.

В наставшей тишине было что-то такое, от чего сердца бравых братьев-ватажников испуганно забились.

Лютобор мгновенно сунул оселок в карман, и вскочил, с мечом наголо.
Меч, следуя за цепким взглядом хозяина, зорко высматривавшего по сторонам опасность.

Елька же, испугавшись, завертел головой, выудив из-за голенища кривой нож.

Чурляй и Голован тоже ножи выхватили, так что теперь артель готова была к любой неожиданности.

На краю поляны возникли два женских силуэта.

– Бабы голые! – Ахнул Елька. – Едрить их в душу! Ой, мужики: сами к нам идут!
И, опустив нож, заржал, жеребец, похабно.
– Счас я их словлю!

Елька кинулся было к пришедшим, но Голован ловко дал ему подножку.

– Стой на месте, дурень. Это Понтианаки.

– Понтианаки? – Лютобор зыркнул на Голована, выдвигаясь вперёд и заслоня остальных широкой спиной. – Что за дрянь? Сколько нечисти видывал, а про таких в наших краях не слышал.

– Духи-кровососы в обличье дев голых с распущенными волосами. – Голован плюнул в траву. – Красотою своей и нагим телом заманивают жертв-мужчин, дабы кровь выпить во время любви плотской.

– Так на нож их! – Взревел Чурляй. – Не жалея, братва, бей-коли!

– Стой, атаман. – Головану пришлось силой держать Чурляя. – Клинки им не смерть несут, а лишь возможностей колдовских прибавляют. Но более всего следует опасаться когтей их острых: яд там!

Девы же нагие тем временем уже танцевали на краю поляны зазывный танец под непонятно откуда возникшую тягучую музыку.

– Цветами пахнет. – Заметил Лютобор. – Голова *кругом*.

– Дурманный дух! – Быстро ответил Голован. – Слушай сюда: убить Понтианаку можно, лишь отрезав её длинные волосы и отрубив когти. Теперь – главное: на спине у них дыра. Вот туда волосню с когтями запихать следует. Другого способа нет.

– Сделаю. – Кивнул Лютобор. – А вы тут стойте. Если я не справлюсь, тогда, дальше, уж сами. Ну, Перун мне в помощь!

Елька на карачки упал, уползти силясь за спины остальным, и толи заскулил, толи молитву какую бормотать принялся.

Чурляй мрачно выругался.

– Умолкни, баляба брыдлый! Брешет, как пёс шелудив! Чтоб тебя...

– Не трать силы. – Тихо промолвил Голован. – Труса не исправишь. Началось! Ай, да Лютобор! Великий мастер!

Понтианакки поначалу приближению Лютобора шибко возрадовались.

– К нам!

– К нам!

– Какой мужчина!

– Иди, миленький!

– Заждались...

Замурлыкали обе наперебой, исходя в совсем уж увлекающем танце.

– Иду. Тороплюсь, красавицы. – Лютобор широко улыбался. – Приласкайте дядьку седого, а я дам вам колечка золотого! Вы мне любви малёшек, а я вам – в ушки серёжек! Вы мне сладку лазейку, а я вам – бусы на шейку! Вы мне – так, сяк, чтоб радость искриста, а я вам – мониста. А коли понравятся ваши объятьица, я вам – новы платъица. Я мужик бывалый, весёлый малый: во походы ходил, силёнки копил, до бабьей ласки охоч, хватит на всю ночь!

Понтианакки, видимо, от прибауток Лютоборовых сильно разохотились в смысле предвкушения любовного.

Запах цветов усилился.

Тела изгибались, кожа блестела от пота.

Обе девы исходили долгим и страстным танцем.

На это и рассчитывал Лютобор с самого начала.

Хоть они, конечно, и кровососы, но нрав-то ведь женский, и, наверняка, не только заради кровушки злыдки эти мужиков к себе манят.

Им кровушка выпитая – к любовному игрищу добавка для ещё большего удовольствия. Значит, что?

Значит, *должны*, само собою, впасть в вожделение *перед* тем, как набросятся, и это самое творить станут.

Так и вышло.

Подойдя ближе, Лютобор увидел, что обе Понтианакки весьма разные.

Правая была грудастей, жопастей и как-то попроще мордой лица.

Этакая деревенская бабёнка, глазами похотливыми посверкивая, и слюни пуская в ожидании черенка под корешок во все главные места.

Вторая же оказалась совсем *ина*: сухощава, но не костиста, ростом невелика, грудка маленькая, но влекла-манила, ох, куда как сильнее.

Она-то, как сразу отметил Лютобор, и таила в себе главную опасность.

Первая к Лютобору кинулась, объятая раскрыв, вторая сбоку обходить начала.

Лютобор её подпустил, однако в самый последний миг скольльзящим движением ушёл в сторону, перехватил чёрны патлы рукою, едва первая эта замешкалась, пустоту руками схватив вместо мужика, да и одним резким движеньем меча подсёк точнёхонько у самого основания затылка вместе с лоскутом кожи.

Понтианака завизжала, завертелась и выпустила когти – каждый длиною с ладонь.

– Вот, спасибо, деваха! – Засмеялся Лютобор.

Волосы он рукою с головы Понтианаки сдёрнул, и, продолжая ход по кругу, пальцы её растопыренные, по перву фалангу вместе с коготнёй, отрубил.

Тут подскочила вторая.

Лютобор её уже ждал.

Меч завертелся с неимоверной быстротой.

Голован с Чурляем не поняли толком, что произошло, только вдруг вторая Понтианака оказалась лежащей на траве, уже без волос и без пальцев.

Лютобор сгрёб отрубленное, пинком перевернул тварь на живот, увидел на спине щель, сочащуюся кровавой пеной, рассёк мечом, расширяя оную, да и впихнул туда волосы с когтями, протолкнув острием.

Первая за это время успела поползти до Лютоборовых ног, и мёртвой хваткой вцепилась в сапог.

– А ты кусни. – Посоветовал Лютобор. – Хватать то тебе нечем.

И, не мудрствуя лукаво, воткнул меч прямо в щель спинную по самую рукоять, пригвоздив Понтианаку к земле.

Визг поднялся, аж уши заложило.

– Хорошо визжишь. Сильно. Счас, погоди: твоё тебе возверну. Вот так.

Лютобор выдернул меч, утрамбовал собранные причиндалы Понтианаки в дырени, и отступил на шаг.

Обе гадины на глазах таяли, превращаясь в зеленоватую слизь.

Потом вся ватага сидела у костра и пила бражку.

– А ты откуда про Понтианаков знаешь? – Спросил Чурляй Голована.

– Читал. – Коротко ответил Голован. – Только вот заморока какая: не должны они здесь, в краях наших, быти.

– Почему не должны? – Лютобор утёр усы. – Нечисть, она нечисть и есть. У неё родины нема.

– Просто не должны, и всё. – Голован шутки не поддержал. Даже наоборот: стал чрезмерно серьёзен. – Далёко в морях есть страна, Малай-Азия: там только они и водятся. А то, что родины у тварей нечистых нет, так это ты, славный воин, ошибся. Нечисть там живёт, где в неё верят. У нас веры в Понтианаков нету, а, значит, и Понтианакам завестись неоткуда. Если только...

Голован испуганно зыркнул на то место, где недавно порешил Лютобор баб вреднючих.

– Что? – Спросил Чурляй. – Говори, Нечай. Нам точно знать надобно: откуда беды ждуть, какое горе мыкать?

– Если только в дела наши кто-то настолько сильный вмешивается, кому и эта далёка иноземна дрянь подвластна. – Голован оглядел братву. – Смекаете, о ком речь веду?

– Есть такой над нечистью Владыко. – Лютобор отхлебнул браги. – Навислав, Колдун Чёрный. Спасибо, умная башка: кто знает, тот готов к неожиданности любой. Сдюжим.

– Ладно. – Чурляй поставил чару. – Разобрались, стало быть. Пора тебе идти за мальцом, Голован. Скажи-ка ещё раз: как там его зовут-кличут?

Голован встал.

– Илья, сын Иванов. – Ответил он Чурляю. – Елька, со мной пойдёшь. Пока я Илью искать стану, да разговор строить, пошукай в селе Карачарове: какие новости. В деле нашем самая малость любая может стать важнее важного.

Глава 4

На чо мальцы ловятся

Дороги – самый сильный наркотик, какой только есть на земле, а каждая из них ведёт к десятку других.

Стивен Кинг. Темная Башня V: Волки Кэллы

Во тот день Илья впервые на батяню обиделся по-настоящему.

Выпорол батя Илью, вот в чём дело.

А за что выпорол?

Если говорить честно, то не за просто так, конечно, но – всё равно: обидно.

Купец Вышата в Карачарове появлялся исключительно *с наездами*.

В прямом смысле сказанного: прибывал, душегуб, раз в полугод, и *наезжал*, понимаешь, на всех, без разбору.

Ибо исключительно в Карачарове мог себе Вышата позволить браги пенной, да и чего покрепче.

Ведь дома—то, во Киеве—граде, всегда при дозоре—догляде, Вышата вёл себя исключительно тихо и скромно, вина сторонился, разгулом ни разочку не оскоромится, поскольку – жена, ох, зело строга, держала дозором буйные берега Вышатовой удали пьяной, да тяги к хмельному рьяной.

А тут – жены рядом нету, ни спроса, ни ответа: гуляй, не хочу, любая блажь по плечу, отворяй бутылочке ворота, да не проноси мимо рта!

Сельчане терпели.

А что поделаешь?

Сила денег – она везде сила: все лавки в Карачарове Вышата держит, каждая копейка от него в любом семействе напрямую зависит, быть ей, копейке-то, али не быть...

Вот Илья Вышате и попался под горячую руку, когда хмель купчинову голову на подвиги звал с небывалой силой устремления.

– Ма-а-алец! – Воззвал Вышата, наблюдая, как Илья несёт вдоль по улице брёвнышко на плече.

Невеликое, прямо скажем, брёвнышко: полторы сажени длины, да полусажень в попе-речнике.

Илья остановился, вежливо рукой свободной шапку снял с головы, да и поклонился, брёвнышко на плече, впрочем, держать продолжая.

– Здрав будь, Вышата Ануфриевич. – Поздоровался Илья. – Дня вам хорошего, да в делах лада.

– А куды-й то ты *моё* бревно тащишь? – Выпучивая глаза, осведомился Вышата. – Кто разрешил?

– Так, батяня велели. – Растерялся Илья. – В кузню несу. Столб ставить надо: старый сгнил совсем.

– Платить кто будет за *моё брёвну мне?* – Совсем озверел Вышата. – Воруешь, тать! Да я тебя!

И замахнулся нагайкою.

Тут Илья руку купцову с нагайкой перехватил.

– Не сердчайте, господин Вышата. Только ведь плочено было батеи, как полагается, при покупке. Извольте сами посмотреть в конторе-то вашей, у приказчика.

Вышата попробовал было руку вырвать, да не смог.

Тем временем, к ним уже со всех ног бежали слуги Вышатовы: один с ломом железным наперевес, другой – с дубинушкой, в кою для усиления результата вбиты были острые гвозди в той части, где всякая дубинушка естественно утолщение имеет.

– Бей его, слуги мои верные! – Орал Вышата. – Вколоти ума ему с послушанием во все места, мать-перемать, три раза разьэтак, да через так!

Дальше события развивались весьма своеобразным образом.

Илья бревно с плеча сбросил, у первого слуги Вышатова дубину отнял, да пополам переломил.

Причём, не об колено там, а просто в руках, навесу.

А потом, когда второй подбежал с ломом, лом этот у него забрал бережно, и всем троим, включая самого Вышату, ломом этим руки обмотал, чтоб зря не махали, а сам лом, уже вокруг рук обмотанный, завязал на узел.

Илья опять пристроил бревнышко на плечо.

– Зря вы. – Укоризненно сказал он, – Я ж говорю: с батеи разбирайтесь. Я тут совсем не причём: что велел родитель, то и делаю. Ну, а теперь прощевайте. Пора мне.

И пошёл в кузню.

Потом звали кузнеца Ивана.

Потом Иван лом развязывал, и всё, что ему сказать у Вышаты накопилось, пока он, Вышата, стоял, ломом на узел завязанный со слугами в обнимку, слушал.

Потом маненько подвезло, потому как вдруг в Карачарово-село супружница Вышаты, Ефросинья Трифоновна, со стороны большого тракту на резвой тройке неожиданно въехала.

Видно, кто-то из при муженьке приставленных соглядатаев, успел докладнуть про гульбу, зело лютую, купца достославного, муженька еённого.

Тут Вышате не до кузнеца сына стало: самому, понимаешь, живым бы остаться...

А Иван – Иван в кузню пошёл, вожжи взял, да и отходил Ильюху по тем самым местам, через кои всяк провинившийся сын от родителя получает уроки воспитания.

Иван порол сына молча.

Слова ни к чему там, где и так всё ясно.

Илья порку принял тоже бессловесно.

Взаимное молчание наказывающего и наказуемого, – к сожалению, ныне полностью утраченная высшая форма древнейшей результативной семейной педагогики.

Наказывающий молчит, потому что уважает наказываемого, а всё, что должно было сказать в виде объяснения причин и целей порки, уже сказано до начала процесса.

А *наказуемый* молчанием своим чётко обозначает и правоту родителя, и уразумение своё преподанного посредством порки урока жизни.

– Вышата всегда прав, даже когда он неправ вовсе. – Сказал кузнец Иван, вожжи готовя. – Посему, сыне, наука моя тебе будет такой: за правоту твою тебя наказую ныне, ибо нельзя достигать правоты тем макаром, каким достиг её ты. Уразумел?

– Да, батюшка. – Отвечал Илья, сымая портки.

Но обида, как и было сказано, осталась.

С этою обидой Илья шёл по селу к реке: обиду свою думать, в тишине, у воды, под журчанье струй тихо текущих, когда неожиданно был окликнут степенным мужиком городского вида.

Причём, окликнут по имени отчеству.

– Ты, Илья Иванович, обиду свою понять хочешь. Так я тебе про неё расскажу. Пойдём: у реки оно, и вправду, сподручнее беседы мудрые вести.

– День вам добрый. – Илья на мужика оглянулся, здороваясь.

– И тебе того же.

– А откуда меня знаете?

– Так ведь, наблюдаю я за тобою, Илья Иваныч, давненько. Дело к тебе у меня наиважнейшее. Но – не для чужих ушей оно. Идём к реке, право слово, там побеседуем.

Илья и пошёл.

Уж больно мужик-то встреченный ему интересным показался: лоб высок, глаза мудры, и во всей повадке что-то такое особенное, доверие вызывающее сразу.

Название своё село Карачарово, согласно преданию, получило в те давние дни, когда первые орды татарские вышли к реке Оке, поживиться добычею в окрестных селеньях.

Да не тут—то было: засекали селяне супостатов.

Вот с тех пор и стали татары место это звать «Карачар», что по-ихнему означает «*Пост*» или «*Дозор*».

Да и то верно: стоит Карачарово на холме высоком, и омывается холм тот рекою Окой так хитро, что нету места лучше для догляда за краем неба, откуда в любой момент могут прийти вражьи степные разьезды, или какие другие разбойники-басурманы.

– Звать-величать меня Нечай Голован. Отчества при имени не признаю, ибо родителей своих не помню, во младенчестве подобран был посереде большой дороги и воспитан Волхвом Сивирятей. Слышал про такого?

– Слышал.

– В обучении у Сивиряти состоял я двадцать годов, и прозвище своё получил от него же, чем горжусь зело, ибо мудрейший из всех известных мне людей прозвище это мне даровал от всего сердца. Но речь с тобою вести я хотел про обиду твою. Так хочешь ли ты, Илья сын И*ва*нов, узнать, что же обида твоя на отца твоего Ивана Тимофеевича, кузнеца знатного, означает?

– Хочу. – Твёрдо отвечал Илья.

– Ну, что ж.

Голован помолчал немного, глядя на луга бескрайние за Окой рекой, а потом сказал, тихо и просто.

– Ты, Илья Иванович, потому обижен, что кончилось твоё детство.

– Как это? – Илья опешил даже, ибо ждал, честно скажем, совсем-совсем другого.

– А так. Взрослый ты отныне. Пришло другое время, и, соответственно, другим становится отношение к тому, что привычно. Об этом ещё древние римские мудрецы на своём латинянском наречии правильное изречение придумали: «Volens nolens». Что, если перевести на наш язык, будет звучать случаю твоему соразмерно: хочешь не хочешь, волей – неволей, а жить теперь тебе, Илья Иванович, предстоит иначе.

– Иначе. – Илья повторил последнее слово Голована, словно взвешивая его на весах ума, души и сердца своего.

Выходило, что прав человек мудрый: весомым выходило слово, и для ума, и для сердца, и для души.

Так что, единственно, о чём спросил Илья Голована далее, было вполне предсказуемо.

– Иначе – это как? Что делать надобно?

Илья твёрдо смотрел Нечаю прямо в глаза.

– Я, дядя Нечай, *дурней*, которые, повзрослев, детьми остаются, видал. Вон, у нас такой, Фролка Каланча: до седин дожил, а всех занятий – на печи сидит, в носу пальцем ковыряет, да песни горланит похабные. Нет, я так не хочу. Взрослый, значит, к делу взрослому приставлен быть обязан непременно.

– Правильно мыслишь. – Голован улыбнулся ободряюще. – Про родителей не беспокойся: сегодня же отцу твоему, Ивану Тимофеевичу, и маменьке, Ефросинье Яковлевне, весточку доставят от Волхва Сивиряти, где прописано будет по всем правилам о том, как взят ты в ученики по чину воинскому, ибо талант в тебе Сивирятя к ентому делу обнаружил немалый.

– Благодарствую.

– Рано благодаришь.

Голован посуровел голосом.

– Узнай вначале, прежде чем слова благодарные речью, о том, каковы они, дела твои взрослые, намечаются, а уж потом решай: может, проклятие с уст твоих сорвётся, а не спасибо вовсе. Слушай же, Илья Иваныч, про свою взрослую жизнь. Предстоит тебе с ватагой храброй пройти подземными запретными ходами в особое место, пещеру тайную, где ждёт и тебя, и соратников твоих по походу славному, великий подвиг во славу всех людей земных. Там, во ходах тех подземельных, копят силы воинства мертвецов, а в пещере дожидается главное зло: Череп Колдуна Чёрного. Он вознамерился Землю от живых людей очистить и своё Мёртвое Чёрное Царство установить на веки веков. Вижу, спросить хочешь? Так спрашивай.

– Почему я?

– А я почему? А остальные? – Голован показал руками вокруг. – Выбор этот не мы делаем, но выбирают нас. А почему: видать, *есть причины*. Пойдёшь, узнаешь. Это и называется, Илья Иваныч, «Судьба».

– Тогда я и думать не стану. Раз выбор на меня пал, то и идти мне.

Илья встал.

– Веди, дядька Нечай. Прав ты: давно мне пора во взрослую жизнь, Судьбу свою принять такую, какая она у меня и быть должна по воле меня выбравших...

Глава 5

Оглянись: там, за тобой Вреды движутся гурьбой

Известно, что крестьяне ставят тавро на своей скотине. Почему бы и дьяволу не клеймить свои жертвы в знак вассальной зависимости? Разумеется, это клеймо может быть невидимым, но на то и существуют специалисты, чтобы найти «знак дьявола» даже под безупречно гладкой кожей. Признаки «чёртовой метины» мне известны. Например, место, по которому дьявол провёл своим когтем, становится не чувствительным к боли, и при уколе не кровоточит.

Пьер де Ланкр, судья над ведьмами

Шли от села вдоль Оки лугом, не спеша переговариваясь.

– Тятя сильно ругался? – Спросил Илья Голована.

– А чего ему ругаться? – Голован добродушно улыбнулся. – Мы с тобою всё правильно делаем. Да и тятя твой человеке разумный. Знал Иван Тимофеевич, что не удержит тебя в доме отчем.

– Так не хотел он, чтоб я ратному делу учился. Он мне при кузне быть велел. – Илья тяжело вздохнул. – Не любит он военные дела.

– Был и об этом у нас разговор. – Голован утёр пот с лысой головы. – Гроза идёт.

Томным жаром исходил день.

Травы клонило в сон.

– Так что ж вы ему такое сказали, что отпустил он меня?

Илья отмахнулся от приставучей мошки, упрямо целившей его, Илью, с полёту, с налёту, в щёку цапнуть.

– Правду. И про выбор волхва, и про предсказание, которое премудрый Сивирятя в древних книгах нашёл. А сказано там, Илья Иванович, вот как: тебе, – Голован показал на Илью перстом, – Дар даден и знак Сварогов *не* для кузнечного дела, а для ратоборства великого. Тому и доказательство имеется.

– Какое? – Илья остановился. – Вы уж мне тоже скажите. Я знать про себя должен всё до малости малой подробно. Жить-то ведь жизнь мою мне!

– Умно рассуждаешь. – Голован встал напротив. – У отца твоего, как я знаю, тоже знак Сварогов имеется?

– Да. И у деда был. – Кивнул Илья.

– Так вот: у тебя он чёрный весь. А у них?

– Красен.

Илья почесал затылок.

– Выходит, у них он огнём полон, и им в кузне Судьба определена, а мне, с чёрным, в бою? Погодите-ка. – Илья вдруг посуровел. – Что ж это? Неужто я *на дела чёрные* обречён, если знак мой, как есть, чёрен?

– Только вот зря не выдумывай. – Голован строго глянул на Илью. – Про огонь и кузню верно понимаешь. Но насчёт чёрного заблуждаешься.

– Так объясните. – Илья сел на землю.

– Чёрная ночь сменяет белый день. – Голован сел рядом. – Жизнь светла, Смерть темна. Настоящий Воин убивает во имя Жизни, ибо избавляет от врага тех, кто сам за себя постоять не может. Сварог дал Воинам знак именно чёрен, ибо Воин есть Сварогов посредник между Жизнью и Смертью. Понял?

– Понял. – Илья в задумчивости смотрел куда-то вдаль. – Выходит, я должен буду Смерть во имя Жизни нести?

– Выходит, что так. – Мареву стало совсем нестерпимым; Илья хотел было спросить ещё о чём-то, но...

– Опаньки! – Вскочил вдруг Голован. – Новое дело!
Покойная медлительность его исчезла без следа.

По траве не спеша ползла тёмная тень.

Размеренно и целенаправленно, к Головану и Ильюхе.

Всё бы ничего, подумаешь – тень: поди, туча на небе перед грозой сил набираясь, наложила на луг внизу очертания свои...

Вот только там, где проползала тень эта, трава сразу же жухла.

А ещё – ещё гнала тень эта ползучая перед собою страх лютый и удушье.

Илья увидел, как высасывает тень жизненные соки из тех, кто попадётся ей на пути.

Всякая мелкая травяная живность, от мурашей юрких до бабочек и стрекоз летучих, превращалась в ничто, даже шкурки или там крылышки не оставив.

– Вреды. – Испуганно проговорил Голован. – Как же это? Таких огромных Вредов просто быть не может!

Илья огляделся в поисках того, что могло бы стать оружием.

– Брось, не трать зря время! – Скомандовал Голован. – Бегом к лесу. Нам с тобою Вредов не одолеть. Нет у нас таких возможностей.

– Вообще? – Уточнил Илья.

– Вообще. – Ответил Голован.

И они побежали.

Оказавшись среди деревьев, Илья и Голован остановились.

Вреды доползли до опушки, и столкнулись с Лесом.

– Ты, Лес-батюшка, уж извини нас. – Голован поклонился. – Сам видишь: редкая пакость к нам пожаловала. Всем беда будет, ежели не остановить! Только Ты, Един-Велик, и можешь совладать с нею. Не откажи в деле добром, а мы – мы отслужим.

Лес ворчливо зашуршал кронами, недовольно скрипнул могучими телами дубов да сосен.

Но, всё же, встал на пути гада ползучего всем миром.

Вреды поначалу обрадовались.

Ещё бы: столько Силы сразу придёт, если весь этот Лес счавать!..
Однако не тут-то было.

Лес умеет выживать.

Он пережил и Великие Холода, когда Земля ударилась о Небеса; а ещё раньше, когда только-только начиналась Жизнь, и Сушь Адскую, и Огонь-Пожар, после которого малыми и первыми ростками поднялся над пепелищами.

Вот и сейчас.

Вреды напознали тенью чёрной, опушку подмяв, и тут же застряли: слишком уж велика была Сила Жизни в каждой травиночке малой, в каждом стволе древесном, Лес составляющих. Смерть столкнулась с Жизнью, как о том и говорил недавно мудрый Голован Илье. На этот раз победила Жизнь.

Тень стала тускнеть.

И вот уже там, где ползла только что неодолимая сила Вредов, зазеленела трава.

Вреды, до того бывшие единым целым, распались на множество мелких теней, лишь воздух колыхался, как если бы испарения от земли сырой поддавались ярким горячим солнечным лучам.

– Спасибо, Лес-государь, Отец наш. – Ещё ниже поклонился Голован. – За помощь великую, за милость истинную, за то, что принял нас, от беды спас! За то, что с нами был! За то, что от врага укрыл! Под защиту взявши, когда он, напавши, не только нас вдруг, а всё, что есть вокруг, смерти лютой предать желая, полз, убивая!

Илья тоже поклонился низко, потом, как тому маменька учила, Ефросинья Яковлевна, оторвал от рубахи вдоль подола лоскут длиной в ладонь, да и привязал к ближайшему кусту аккуратно на ветке, со словами:

– Прими, Лес, от души моей – дар для твоих ветвей, и во благодарности сердечной поклонение твоей милости вечной! Мы, дети твои, навеки, – малые человеки!

Голован очередной раз подивился тому, что делает Илья.

Давно уже не приходилось ему, Головану, встречать на пути бытия, подобных людей.

Складывалось ощущение, что на все случаи жизни заранее уже приготовлено в Илье, сыне кузнеца, *правильное умение* поступать так, как именно сейчас должно.

Не зря, видимо, именно сей отрок выбран был и указан свыше.

Выбран и указан для свершения великого деяния добычи ватагой Чёрного Черепа.

Ох, не зря...

Лес в ответ на слова Ильюхины кивнул благосклонно верхушками деревьев.

Мир вокруг оживал, наполняясь пеньем птичьим, шёпотом лиственным, стрекотанием разной живности мелкой в траве.

– А ты говорил, дядька Голован, что Вредов убить нельзя. – Илья отряхнул колени, вставая. – Ан, смотри-ка: нету их! Сгинули.

– Если бы. – Голован тоже поднялся с колен, тяжело крякнув. – Лес-государь не убил их, а лишь превратил единую Силу во множество мелких. Вреды обычно каждый за себя, и собрать их вот так вот, купно, насколько я знаю, до сих пор не удавалось никому. Так что, будь наготове:

Вреды за нами теперь, каждый поодиночке, охотиться станут. Ну, пора до ватаги. Всё, что с нами было, обскажем, глядишь, чего и придумаем. Ты про Лютобора-воителя *что* знаешь?

– Как – что? – Илья ажно воспрянул весь. – Славнее мужа в ратном деле нет!

– К нему в обучение тебя и веду. – Голован похлопал Илью по плечу. – Смекаешь?

– Вот это да! – Илья чуть ли на месте не завертелся от услышанного. – Век благодарен буду! И не мечтал...

Но сразу же себя и осадил сам, перестать вертеться заставив.

– А ещё спросить можно?

– Нужно. – Голован сделал вид, что сердится. – Или ты не понял ещё, парень, что я к тебе приставлен, как раз, вот, на все вопросы первым отвечалой?

– Тогда – вопрос мой таков: кто ещё в ватаге? Что за люди? Ведь если остальные-прочие столь же славны, как ты, мудрец великий, или Лютобор-воин, то...

Но договорить Голован Илье не дал.

Он вдруг изменился лицом, и хлопнул себя что есть силы по лбу.

– Елька! – Всплеснул руками Голован. – Как же я забыл про него? Эх, беда-судьбина, горе-злосчастье! Хоть и мелкий был человек, а всё одно – жалко! Сгинул, поди, без следа: Вреды никого не щадят. Да простят ему Боги грехи его. Пусть ляжет ему по смерти Дорога в те места, где уготовлена для таких, как Елька Конь, лучшая потусторонняя Жизнь!

И закрыл глаза, бормоча Богам Великим поминальное моление.

Но Елька не сгинул.

Один из лучших на свете воров, Елька, Конём прозываемый, стал лучшим вовсе не по слепой воле случая.

Дело воровское требует постоянного совершенствования, а, главное, особого подхода к каждой секунде времени проживаемого.

То есть, выжить каждую секунду в постоянно изменяющихся условиях – вот это и есть *главное* для вора настоящего.

Кстати сказать, прозвище «Конь» Елька получил потому, что сумел некогда выкарабкаться там, где большинство обычных людишек сгинули бы безвозвратно.

Пошло прозвище это от давнего, ещё по малолетке, Елькиного воровского дела: скрал, стервец, любимого скакуна арабских кровей у купца заморского.

Скрал, перекрасил, да и продал в конюшни княжьи.

Хороший куш взял!

Вот только не оставил купец поиски, и вскоре явились к Ельке три огромных восточных мужика в халатах и тюрбанах, схватили под белые руки, приставили к горлу кинжалы острые, и потащили на суд купеческий.

– Где конь? – Спросил купец, перебирая чётки. – Жить хочешь, скажешь. А нет...

Купец подал знак своим. С Ельки сорвали портки; острый клинок упёрся острием в то место, которым мужчина отличается от всего остального мира.

В этот момент с Елькой случился первый раз прорыв через неминуемую гибель.

Разум отключился.

На языке оказались сами собою слова вовсе до тех пор Ельке неизвестные, и стал он говорить, и говорил до тех пор, пока купец этот Ельке – почему-то! – поверил, после чего отпустил на все четыре стороны.

Больше того: одарил купец Ельку деньгами, ибо Елька сумел убедить купца: найду, дескать, коня вашего!

Только не просто это, – надо, понимаете, кое с кем из авторитетных людей перетереть, что к чему выяснить, в лапу дать многим, ведь *за просто так* никто ничего рассказывать не станет...

Когда сообщество воровское узнало про такой Елькин подвиг, смеху было – до упаду, но и уважение появилось у Ельки воровское вместе с авторитетом.

– Молодец, хитрый малец! – Сказали вору главные, «законные». – Красиво врёшь, далеко пойдёшь! – И дали Ельке погоняло «Конь», в полном соответствии с делом удачным и в память о нём, столь фартовым, что вошло дело сие во Всемирную Историю Воровских Сказов о Великой Воровской Смекалке.

Вреды настигли Ельку, когда он с Карачарова-села возвращался, в чистом поле.

Елька их почуял спиной: обернулся, зыркнул глазом, усёк некую тень чёрну, и – сразу взапуски.

Шибко бежал, со всей мочи, но гады, они на то и гады, чтобы всегда быть проворнее и сильнее, чем ты.

Набежала сзади тьма, сковал Ельку внутренний холод лютый, замер он, не в силах пошевелинуться, и понял: всё! Поминайте, кто знал, Коня-вора, – ве-е-ечная память!

Заплакал Елька от великой жалости к себе, весь преисполненный того, как уходит из него, бедолага, жизнь, и начал весь из себя валиться на бок, глаза закатывать, кричать сильно, однако – услышал вдруг голоса, словно изнутри себя.

– Жить хочешь? – Спросил один голос.

– Оченно хочу. – Честно ответил Елька. – Имейте милость! Оставьте меня в житии! Что хотите, отдам, только бы жить!

– Тогда служить нам клянись. – Приказал голос другой.

– Клянусь! – Ельке казалось, что он кричит, а, на самом деле, даже не шептал, а лишь, опять же, внутри себя отвечал, тихоньким стоном. – Служить вам отныне и вечно, самую страшную клятвой, скрепив её кровью!

Елька только ахнуть успел, и не понял даже, отчего вдруг закровавила ладонь правая, но жижка красна уже закапала на рубаху, и тогда Елька прямо в воздухе перед собою начертал крест, чтобы перечеркнуть его наискось, словно разрубив напополам, кровоточащей дланью.

– Правильно решил. – Вмешался ещё один голос. – Пра-а-авильно...

И остальные голоса дружно подхватили слова эти.

– Слушай нас, смертный! Живя среди живых, станешь ты отныне посланцем нашим, а мы через тебя станем вершить то, что угодно нам. Мы, Вреды, посылаем тебя в подземны ходы, дабы в тот миг, когда достигнешь ты пещеры Чёрного Черепа, досталась нам, Вредам, и сила его, и власть! Через тебя, смертный, овладеем мы миром вашим! Быть посему!

– Быть... – Пролепетал Елька, и упал без чувств.

Да так и пролежал, пока не понял вдруг: нету с ним рядом никого больше.

Глава 6

Вроде, все вместе идут, но каждый порознь тут

А верное объяснение состоит в том, что в него вселился большой бес и прибежала тьма маленьких, чтобы служить большому.

Франц Кафка. «Афоризмы»

В себя пришёл Елька, когда ему пребольно впился в щёку огромного роста злобный муравей.

Елька таких сроду не видывал: красный, башкою вертит, и даже, почудилось Ельке, шипит.

– Брысь, сволочь! – Взревел Елька, сбрасывая тварь мерзкую с лица.

Муравей отлетел, но тут же на Ельку накинудись его, муравьины, сородичи, числом немалым, поголовно все столь же кусачи.

Заорал Елька, завертелся, отряхаясь, но куда там!

Пришлось одежду с себя срывать, к реке Оке трусцою мчаться, с обрыва в воду сигать.

Только так и отвязался.

Потом долго выворачивал портки с рубахой, выковыривая из складок и подкладки красную сволочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.